

Как делать?

1

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ. Двадцать лет контр-революции. Двадцать лет превентивной контр-революции.

В Италии.

Везде и повсеместно.

Мы спим за тюремным забором, часто

посещаемые надзирателями. Сон разума и кулака, навязанный комендантским часом.

Двадцать лет. Прошлое не проходит. Потому-что война продолжается. Разветвляется.

Расширяется. В глобальной сети локальных устройств. В первоначальном распределении субъективностей. В новом поверхностном покое.

В вооруженном покое

хорошо приспособленном к скрытию хода незаметной гражданской войны.

Двадцать лет назад был

панк, движение 77, Автономия,

Индейцы метрополитена и рассеянные партизаны.

Все в одно время,

как если бы был рожден из некой подпольной дыры цивилизации,

возник целый контр-мир субъективностей

которые больше не хотели потреблять, которые больше

не хотели производить,

которые даже больше не хотели быть субъективностями.

Революция была молекулярной. Контр-революция

тоже.

Целая сложная машина, которая обезвреживает все что

содержит интенсивность,

была запущена

насильственно,

нацеленная на долговременную работу.

Машина, которая обезвреживает все что может взорваться.

Всех опасных не-индивидуалов,

все непослушные тела,

все орды автономных людей.

Тогда наступили двадцать лет глупости, вульгарности,

изоляции и опустошения.

Но как?

Подняться опять. Поднять голову. По выбору или

по необходимости. В любом случае, действительно,

быстро. Посмотреть друг другу в глаза

и сказать: "Начнем опять." Чтобы

все по скорее узнали об этом.

Мы начали.

Покончено с пассивным противостоянием, внутренней ссылкой, конфликтом

уклонения, выживанием. Мы начали опять. За двадцать

лет у нас было достаточно времени чтобы смотреть. Мы

поняли. Демократию для всех, "анти-террористическую

войну", государственную резню, мировую

джентрификацию, капиталистическое реструктурирование

и Большую Работу социальной чистки

средствами:

селекционирования,

приручения,

нормализации,

"модернизации".

Мы видели, мы поняли. Способы

и цели. Будущее предназначенное нам. То, которое

нам отрицают. Состояние исключения. Закон
который ставит ментов, управляющих, судьей
над законом. Юридикализацией,
психиатризацией, медикализацией всего
что выходит за рамки. Всего что бежит.
Мы видели, мы поняли. Способы и цели.

Когда власть в реальном времени устанавливает свою же
законность,
когда ее насилие становится превентивным
и "право вмешаться" становится правом,
тогда уже бессмысленно искать права. Быть против нее.
Мы должны быть сильнее. Или хитрее. Вот почему
мы начинаем опять.

Начать снова это никогда не начать *что-то* снова. Это
не обнаружить вещи там где они были брошены. То что
ты начинаешь снова это всегда *что-то ещё*,
что-то неслыханное. Потому что это не прошлое
что ведёт нас к этому, но точно то,
что в этом прошлом не произошло.
Начать снова значит: выбраться из подвешенного состояния. Восстановить контакт между
нашими становлениями.
Двигаться,
снова,
оттуда где мы есть,
сейчас.

К примеру есть уловки
на которые мы больше не попадемся.
Уловка под названием "общество". Быть трансформированным,
уничтоженным, улучшенным.
Уловка социальных обязательств.
Которыми мы связаны друг с другом.
Мы не будем больше попадаться на эти уловки.
Ты должен быть воинственным элементом
планетарной мелкой буржуазии,
настоящим гражданином,
чтобы не видеть то что общество
больше не существует.
Оно имплодировало.
Оно просто аргумент для террора
тех кто требует его представления.

Все что социально стало чуждо нам.
Мы считаем себя абсолютно свободными
от любых обязательств, от любых прерогатив,
от любых предписаний которые
являются социальными.
"Общество"
это название которое
бумажные задницы
дали постоянной резне детей и дикарей.
Тот, кто отрицает эту скотобойню
делает шаг в сторону,
делая небольшое смещение
от общей логики
Империи и ее протеста,

от ее логики мобилизации,
от всеобщей временности,
временности чрезвычайности.

Начать снова значит населить это смещение, принять шизофрению капитализма в ее
возможностях все нарастающей де-субъективизации.

Дезертировать сохранив оружие.

Удрать, не заметно.

Начать снова - значит оживить социальный раскол,
неясность, присоединиться

к демобилизации,

истощить одну или другую имперскую

продуктивно-потребительскую сеть, на средства жизни и борьбы,

и в выбранное время

утопить ее.

То о чем мы говорим - это новая война,

новая партизанская война Без фронта, без униформы, без

армии, без решающей битвы.

Партизанская война чье сосредоточение разворачивается далеко

от коммерческих потоков, хотя она подключена к ним.

Мы говорим о войне позиций.

Которые ведутся там, где мы есть.

Во имя никого.

Во имя нашего собственного существования,

у которого нет имени.

Создание этого небольшого смещения.

Без боязни собственного времени.

Не бояться собственного времени - это вопрос пространства.

В сквоте. В оргии. В бунте. В захваченном

поезде или деревне. В поиске, среди незнакомцев, в

свободной тусе что нигде не будет найдена. Я проживаю

опыт этого небольшого смещения.

Опыт моей собственной десубъективизации. Я становлюсь

любой сингулярностью. Мое настоящее начинается переполнением

целого аппарата качеств которые обычно

ассоциируются со мной.

В глазах того кто предпочел бы рассматривать меня

как ту которая я есть, я смакую разочарование, его или ее

разочарование видеть меня такой обычной, такой

совершенно доступной. В жестах кого-нибудь ещё,

я нахожу неожиданное соучастие.

Всем что изолирует меня как субъекта, как тело

снабженное общественными конфигурациями атрибутов, я

чувствую себя расплавленной. Тело изнашивается на своем

пределе. На своем пределе становиться неясным.

Камень за камнем, все что угодно разрушает эквиваленции.

И я достигаю новой наготы.

Неуместной наготы, как если быть одетой любовью.

Разве кому-то удавалось выбраться из тюрьмы Себя одной?

В сквоте. В оргии. В бунте. В оккупированном

поезде или деревне. Мы обретаем друг друга снова.

Мы обретаем друг друга снова

как любые сингулярности. Это происходит

не на основе обычной принадлежности,

но на общем присутствии.

Это наша
нужда в коммунизме. Мы нуждаемся в ночных пространствах,
где мы бы могли
обрести друг друга
вне наших предикатов.
Вне тирании распознавания, которая налагает
распознавание как конечную дистанцию между телами. Как
неизбежное разделение.
Всё через что каждый - мой бойфренд, моя семья, мое окружающее, моя компания,
государство, общественное мнение - распознает меня, является лишь тем что ограничивает
меня.
Постоянно напоминая мне о том кто я есть, о моих
качествах, они хотят извлечь меня из каждой
ситуации. Они хотят вымогать у меня, в любых
обстоятельствах, преданность к себе, которая ничто иное как преданность к моим
предикатам.
От меня ожидают что я буду вести себя как человек, как служащая, как безработная, как
мать, как военный, как философ, как поэт.
Они хотят содержать курс моих непредсказуемый становлений внутри границ личности.
Каждый хочет обратить меня в религию последовательностей, выбранную
для меня.

Чем больше я распознаваема, тем больше мои жесты связаны, внутренне связаны. Я здесь,
пойманная в супер плотную сеть новой власти. В неосвязаемую сеть новой
полиции:ИМПЕРСКОЙ ПОЛИЦИИ КАЧЕСТВ.
Есть целая сетка приспособлений сквозь которые я "*интегрирую*" себя, и что включает эти
качества в меня.
Целая мелкая система регистрации, идентификации и взаимного контроля.
Рассеянные предписания отсутствия.
Целая машинерия умственного контроля, который направлен на паноптицизм, на
проницаемость, на атомизацию.
И в которой я борюсь.

Я должна стать анонимной. Чтобы присутствовать.
Чем больше я анонимна, тем больше я присутствую.
Чтобы достичь Общего, я нуждаюсь в зонах неясности.
Чтобы больше не распознавать себя в своем имени. Чтобы больше не слышать в своем
имени ничего кроме голоса называющего его. Придать сущность тому каковы существа,
не тому что они есть, а как они есть тем что они есть. Их жизненной форме.
Я нуждаюсь в зонах непрозрачности где атрибуты,
даже криминальные, даже исключительные,
больше не разделяют тела.

Становление кем угодно. Становление какой угодно сингулярностью, не дано.
Всегда возможно, но никогда не дано.
Есть политика какой-либо сингулярности.
Которая состоит из захвата у Империи
состояний и способов
переживания себя как таковой.
Я должна быть в трещине, в разломе.
Это политическое, потому что это подразумевает способность конфронтации,
на это указывает новая совокупность людей.
Политика какой-либо сингулярности: открытие тех мест, где никакое действие не
присваиваимо какому либо данному телу. Где тела возвращают себе способность жеста,
который, хитрым распределением устройств большого города — компьютерами,
автомобилями, школами, камерами, сотовыми телефонами, спортзалами, больницами,
телевидением, кино, и т.д. - украден у них.
Распознавая их.

Обездвиживая их.
Превращая их в пустое место.
Заставляя голову существовать отдельно от тела.

Политика какой-либо сингулярности.
Становление кем угодно более революционно чем
становление любым-существом.
Освобождение пространства освобождает нас в сотни раз больше
чем любое "освобождённое пространство".
Больше чем помещением любой силы в действие, я наслаждаюсь циркуляцией моих
потенциальностей. Политика какой-либо сингулярности находится в нападении. В
обстоятельствах,
в моментах и местах где мы захватываем
обстоятельства, моменты и места
такой анонимности,
моментальной остановки в состоянии простоты,
возможность извлечь из всех наших форм чистую адекватность к настоящему.
Возможность, наконец, быть
здесь.

2

КАК ДЕЛАТЬ? А не что делать? Как делать? Вопрос средств.
Не целей, не задач,
того что должно быть сделано, стратегически, бесспорно.
Вопрос в том что мы можем делать, тактически, в данной ситуации,
и в приобретении этих способностей.
Как? Как дезертировать? Как это работает? Как
сопрячь мои раны и коммунизм? Как оставаться в состоянии войны не потеряв нежность?
Вопрос технический. Это не проблема. Проблемы доходны.
Они питают экспертов.
Вопрос.
Вопрос техник. Которые умножает себя в вопросе техник передачи этих техник.
Как делать? Результат всегда противоречит цели.
Потому что поставить цель в конце все еще способ.
Другой способ.

Что делать? Бабёф, Чернышевский, Ленин.
Классическое мужество нуждается в обезболивающем,
в мираже, в чем-то. В способах игнорировать себя немного больше. Как присутствие.
Как форму жизни. Как находящееся в определенных обстоятельствах существо, одаренное
склонностями.
Определенными склонностями.
Что делать? Волюнтаризм как предельный нигилизм. Как нигилизм
присущий классическому мужеству.
Что делать? Ответ очевиден: подчиниться снова логике мобилизации, временному характеру
критического положения. Под предлогом восстания. Определить цели, слова. Иметь
тенденцию к их выполнению. К выполнению слов. Тем временем, откладывать
существование. Заключать себя в скобки. Жить в исключении себя. Вдалеке от времени.
Которое проходит. Которое не пройдет. Которое остановилось.
До.
До следующей.
Цели.
Что делать? Другими словами : жизнь бесполезна.
Все что ты не прожила, История вернет тебе.
Что делать? Это невежество себя брошенного в мир.
Как невежество мира.

Как? Не то чем является существо, жест, вещь, а то как они являются тем чем они является. Вопрос о том как их предикаты связаны с ними.

И они с ними.

Позволить быть. Позволить быть промежутку между субъектом и его предикатами. Пропасть присутствия.

Человек не является "человеком". "Белая лошадь" не является "лошадью".

Вопрос как. Внимание к этому как. Внимание к тому как "женщина" есть, и является не женщиной - нужны много уловок чтобы обратить женское существо в "женщину".

Или темнокожего человека в "негра".

Внимание к этическим различиям. К этическому элементу. К неприводимости что управляется через это.

Что происходит между телами во время оккупации гораздо интереснее чем оккупация сама по себе.

Как делать? значит что военная конфронтация с Империей должна быть подчинена интенсификации взаимоотношений внутри нашей тусы. Это значит что политическое только некоторый уровень интенсивности внутри этического элемента. Революционная война не должна путаться с её репрезентацией: сырым фактом борьбы.

Вопрос как? Обратит внимание на происходящие с вещами, существами. Их событию. На крепкий и тихий выступ их собственной брэнности под всеобщим крушением всех брэнностей, вслед за неотложностью.

Что делать? как программное отрицание этого. Как вступительная формула светливого недостатка любви.

Вопрос «Что делать?» возвращается. Уже несколько лет возвращается. Еще с середины девяностых, еще раньше Сиэтла. Возрождение критики прикидывается что оспаривает империю.

Используя слоганы, трюки шестидесятых. Только с тем различием что сейчас они фальшивы. Невинность, возмущение, чистая совесть и нужда в обществе — все фальшиво. Весь спектр социалдемократических аффектов возвращается в оборот. Весь спектр христианских аффектов.

И вновь происходят демонстрации. Демонстрации — убийцы вожделения. На которых нечего не происходит.

И которые демонстрируют нечего кроме коллективного отсутствие.

Сейчас и навсегда.

Для тех кто чувствует ностальгию по Вудстоку, гандже, маю 68ого и воинственности существуют контр-саммиты.

Устроены такие же обстоятельства, только с извлеченной возможностью.

Вот что сегодняшний «Что делать?» приказывает делать: перетя в другую сторону мира для того чтобы

состязаться с

глобальным потребительством,

и потом, после прибывание в этом всеобъемлющем единогласии и

посредническом отделении, подчинить себя

местному потребительству.

Здесь дома, твоя фотография уже в газете.

Все единолично вместе!... Когда то

Старая добрая

молодежь!

Обидно за те пропавшие живущие тела, понапрасну ищущие пространство своим вожделением.

Они вернуться чуть более унылые. Чуть более уставшие.

Ослабленные.

От контр-саммита к контр-саммиту, они неизбежно поймут. Или нет.

Не надо оспаривать Имперский менеджмент. Не надо критиковать Империю.

Надо противостоять ее силам.

Оттуда, где ты находишься.

Высказывать мнение о той или другой альтернативе, нету не малейшего смысла идти туда куда тебя зовут. Не существует глобального альтернативного проекта глобальному проекту Империи.

Потому что нету такого глобального проекта Империя.

Существует только имперский менеджмент. Любой менеджмент плохой. Те кто требуют другое общество лучше бы начали понимать что нечего такого нет. И может тогда они перестанут быть *wannabe*-менеджерами. Гражданами.

Возмущенными гражданами.

Глобальный порядок не может быть принимаем за врага. Прямо. Потому что глобальный порядок не имеет места. Напротив. Это порядок не-места. Его совершенство - не быть глобальным, но быть глобально локальным. Глобальный порядок - это исключение любого события, потому что это предельная, авторитарная оккупация локального. Глобальному порядку можно противодействовать только локально. Через продление непрозрачных зон на картах Империи. Через их растущую непрерывность. Подполье.

Грядущая политика. Политика локального восстания против глобального менеджмента.

Против присутствие побежденного отсутствием себя. Против гражданина. Против имперского отчуждения.

Восставшая через воровство, мошенничество, преступление, дружбу, вражду, заговор.

Через разработку способов жизни которые также и способы борьбы.

Политика события.

Империя везде - ничего не происходит. Это управляемое отсутствие угрожающее реальным полицейским вмешательством в любом месте.

Тот кто расценивает Империю как врага с которым состязаться, встретит профилактическое уничтожение.

Быть воспринятым значит быть побежденным.

Научится как быть невоспринимаемой. Как сливаться. Как восстановить вкус к

анонимности,

к разнородности.

Отказаться от различий,

чтобы уклониться от репрессий:

устроив наиболее благоприятные обстоятельства для конфронтации.

Стать хитрой. Стать беспощадной. И для этой цели стать кем угодно.

Как делать? - это вопрос потерявшихся детей. Тех кому не сказали. Тех с неуклюжими жестами. Кому ничего не было дано. Чья внешность, чье блуждание всегда предает себя.

Грядущее восстание - это восстание потерявшихся детей.

Нить исторической передачи порвана.

Даже революционные традиции оставляют нас сиротами. Особенно рабочее движение.

Рабочее движение ставшее инструментом высшей интеграции в Процесс. В новый, кибернетический Процесс социальной валоризации.

В 1978 это делалось во имя рабочего движения Итальянской Коммунистической Партии, так называемой "партии с чистыми руками" начавшей охоту на ведьм против Автономии.

Во имя классической концепции пролетариата, этой мистики общества, уважения работы, полезности и благопристойности.

Во имя "демократии" и легальности.

Рабочее движение выжило посредством «операционализма».
Единственной существующей критикой капитализма с точки зрения Всеобщей Мобилизации.
Уничтожающей и парадоксальной доктрины,
которой удалось спасти марксистский объективизм только по средством субъективизации.
Которая привела отрицание вопроса «Как?» до невиданной изощренности.
Которая достигла предельного сведение жеста к его последствием.

Критика стала тщетной. Критика стала тщетной потому что она составляет отсутствие.
Каждый знает где есть властвующий порядок. Мы больше не нуждаемся в критической теории. Мы больше не нуждаемся в учителях. Впредь, критика стремится к власти.
Даже критика власти.

Это воспроизводит отсутствие. Это говорит с нами отсюда где нас нет. Это двигает нас куда угодно. Это потребляет нас. Это малодушие. Остающееся осторожно защищенным, когда посылает нас на забой.

Тайно влюбленное в свой объект, оно продолжительно лжет нам.

Отсюда следует короткий роман между пролетариями и "занятыми" интеллектуалами.
Эти рациональные браки в которых никто не имеет понятия об удовольствии или свободе.
Скорее чем в новой критике, мы нуждаемся в новой картографии.

Не в картографии Империи, но в линиях скольжения от неё.

Как делать? Нам нужны карты. Не карты с тем что находиться вне карт. Но навигационные карты. Морские карты. Инструменты для ориентации. Которые не стараются объяснить или показать что находиться внутри различных архипелагов дезертирства, но указывают как присоединиться к ним.

Портолань.

3.

Сегодня вторник, 11 ноября 2008 года, вечер.

В Тарнаке, в глубинке Франции, власти произвели крупномасштабную «анти-террористическую» операцию, которая транслировалась в прямом эфире по национальному телевидению в присутствии министра внутренних дел. Были арестованы 9 человек обвиняемых в участии в подпольной террористической анархо-автономной организации. Цель этого ареста - это положить конец диффузной партизанщине и саботажам - анонимным нападениям на корпоративные и военные объекты, транспортную сеть и полицейскую инфраструктуру.

Техника власти вполне стара: сфабриковать случай локального "терроризма" в глобальном климате "войны с террором", объявить существование подрывной организации. Затем на базе этой химерной выдумки начать войну на ведьм.

Снова, "осушить океан чтобы поймать рыбу!".

Даже несмотря на то что это маленький пруд.

И несколько карасей.

Спецназ в наши дни - это классический пример имперской

против-повстанческой службы.

Она работает на население.

Где появляется интенсивность, где что-то происходит, появляется французский доктор который позаботятся.

Который, под прикрытием профилактики, установит карантин нацеленный на изолирования инфекции

Империя боится.

Ее пугает обрушивающаяся политическая анонимность.

Империя боится что люди могут стать кем угодно.

Ограниченный круг, вооруженная группа не могут их напугать. Но расширяющаяся сеть сквотов, коллективных хозяйств и домов, пиратских радио, навыков и идей, и все это связанное телами и аффектами между телами — это уже совсем другое дело.

Заговор тел. Не критических рассудков, а критических телесностей.

Этого боится империя. Это то что медленно
восстает,

вместе с все усиливающимися потоками
общественного дезертирства.

Этим контактам тел присуща непрозрачность. Непрозрачность, которая не совместима с имперским властвованием в котором свет освещает что либо только чтобы разложить это на части.

Атакующие Зоны Непрозрачности не надо
создавать.

Они уже существуют во взаимоотношениях в которых возможно настоящее
общение между телами.

Все что мы должны сделать - это признать что мы часть этой опасной непрозрачности. И
обеспечить себя способами

расширить ее,
защитить ее.

Везде где нам удастся нарушить работу имперских устройств, разрушить ежедневную работу
Биовласти и Спектакля по выделению из общества фракции граждан,
изолировать обитателей нового вида. В этой возобновившейся неясности автономная
этическая основа спонтанно образует последовательный план раскола.

Тела объединяются. Снова дышат. Сговариваются. То что такие зоны обречены на
уничтожения не имеет никакого значение. В таких ситуациях имеет значение сохранить
верный путь для побега.

И затем вновь собраться где-нибудь еще.

Позже.

В основе вопроса «Что делать?» находится миф о всеобщей забастовке.

В основе вопроса «Как делать?» находится практика ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЗАБАСТОВКИ.

Всеобщая забастовка значит что эксплуатация была ограничена во времени и пространстве,
что отчуждение частично, а враг распознаваем,
а значит и победим.

Человеческая забастовка отвечает эре в которой граница между работой и жизнью исчезает.
В которой потребление и выживание, писание "подрывных текстов" и контакт с самыми
токсичными эффектами индустриальной цивилизации, занятие спортом, любовью и
искусством, быть родителем или под Прозаком -
все это работа.

Потому что Империя управляет и переваривает, поглощает и реинтегрирует все что живет.

Даже "что я есть" — субъективизация того что я не отрицаю

здесь и сейчас,

всё продуктивно.

Империя упразднила все до работы.

В идеале, мой профессиональный профиль будет совпадать с моим собственным лицом.

Даже если оно не улыбается.

Даже если оно идиотское.

В любом случае, гримасы восстания продаются хорошо.

Империя - это когда способ производства становится способом контроля, с того же самого
времени когда противоположность оказалась правдой.

Империя значит то что во всем политический момент доминирует над экономическим.

Всеобщая забастовка бессильна против этого.

Империи может противостоять человеческая забастовка.

Которая всегда атакует производственные отношения, в то же самое время атакуя
аффективные узлы которые поддерживают эти отношения.

Которая подрывает позорную либидную экономию Империи.

Которая восстанавливает этический элемент - как - подавленный в каждом соединении
нейтрализованных тел.

Человеческая забастовка является непредсказуемой и непрозрачной - это забастовка в
которой не ожидаются какие либо предсказуемые реакции,

какой либо сокрушительный или возмущенный тон.
Это забастовка, которая ускользает от механизмов империи. Которая или пропитывает или взрывает их.
Которая сколачивается, предпочитая
чего-то иное.
Чего-то что не принадлежит разрешенным
возможностям механизмов.
У касс в супермаркете, в разговоре с полицией, во время
ментовского рейда,
в не зависимости от распределений сил,
человеческая забастовка создает последовательность
в пространстве между телами,
уничтожает двойную связь, в которой они пойманы,
и заставляет их присутствовать
Должен быть изобретен новый Луддизм, Луддизм
человеческой машинерии,
питающий Капитал.

В Италии, радикальный феминизм был эмбрионной формой человеческой забастовки.
"Нет матерям, женщинам и девочкам, разрушим семьи!" было пригласительным жестом
нарушения ожидаемой цепи событий,
высвобождением сжатых потенциальностей.
Это был удар по затраханым романам,
ежедневному рабству, обычной проституции.
Это был призыв к преодолению пары как основной единицы объединения в управлении
отчуждением.
А значит - призыв к соучастию.
Такой практике необходим оборот, заразность.
Женская забастовка косвенно призывала к забастовке мужчин и детей,
призывала их бежать с фабрик, школ
офисов и тюрем,
заново изобрести каждую ситуацию, другой путь бытия, другое как.
Италия в семидесятых была огромной ареной человеческой забастовки.
"Самоупражнения", ограбления, засквотированные районы, вооруженные демонстрации,
пиратские радио, бесчисленные примеры "Стокгольмского синдрома", даже знаменитые
письма посланные Моро к концу его заключения, были практикой человеческой забастовки.

Есть авторы,
занимающиеся ничем иным как
человеческой забастовкой.
Кафка, Вагинов, Вальсер,
Миллер или Мишо,
например.
Коллективно приобретать эту способность стряхивать
фамильярности.
Искусство договора с самим собой,
с самым навязчивым из всех гостей.

В настоящей войне,
где чрезвычайный реформизм капитала, для того чтоб быть заслушанным,
маскируется под революционность,
где в главных демократические битвах -
контр-саммитах,
практиках прямого действия
приготовлены роли как раз для нас.
Роль мучеников демократического порядка,
которая превентивно поражает всех кого может
Я должна позволить себя иммобилизовать перед компьютером в то время когда ядерный

станции взрываются, в то время как играют с моими гормонами или травят меня.
Я должна начать петь гимн жертвы. Как это
хорошо известно,
все мы жертвы, даже угнетатели.
И смакование того как скрытый оборот мазохизма
заново очаровывает ситуацию.

Сегодня человеческая забастовка значит
отказ играть роль жертвы.
Нападение на это.
Возвращение насилия.
Внушение безнаказанности.
Заставляя парализованных граждан понимать
что если они не присоединятся к войне они часть её всё равно.
И когда нам говорят, или это или смерть,
это всегда
в реальности
и это и смерть.
Таким образом,
человеческая забастовка
за человеческой забастовки, чтобы достичь
восстания,
в которой мы все
любые
сингулярности.